

КОДИФИКАЦИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

С.А. Л о б а н о в*

В условиях участвовавших вооруженных конфликтов с их многочисленными нарушениями, приводящими к массовой гибели гражданского населения и военнослужащих, росту числа беженцев и перемещенных лиц, грубому ущемлению прав человека, усилению напряженности в обществе, проблема повышения эффективности борьбы с такого рода нарушениями обретает особенно важное значение. В этом плане вопрос о кодификации серьезных нарушений норм права, применяемого в вооруженных конфликтах, называемых военными преступлениями, стоит далеко не на последнем месте. Разумеется, автор отдает себе отчет в том, что процесс нормативно-правового упорядочения, каким бы совершенным он ни был, без соответствующей практики останется благим пожеланием на бумаге. В то же время, деятельность органов уголовной юстиции по расследованию и рассмотрению дел о военных преступлениях должна основываться на ряде принципов, среди которых важнейший - *nullum crimen sine lege* (от лат. нет преступления без указания о том в законе). Поскольку процесс кодификации военных преступлений направлен на реализацию названного принципа, играющего важную роль в обеспечении прав личности, позитивное значение данного процесса проявляется в вопросах уважения и защиты прав человека.

В данной статье предпринята попытка проанализировать в контексте проблемы прав человека становление, современное состояние и перспективы . процесса кодификации военных преступлений.

Становление процесса кодификации военных преступлений

Впервые термин “преступники войны” (*war criminals*) вошел в обиход после I мировой войны. В него вкладывались два значения: в более широком смысле под преступниками войны понимались как виновники военной агрессии, так и лица, ответственные за нарушение законов и обычаев войны, в более узком смысле только нарушители законов и обычаев войны. К этому времени относится первая попытка кодификации военных пре-

* Старший преподаватель кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного Университета, кандидат юридических наук.

ступлений: Комиссия пятнадцати, созданная на Парижской мирной конференции, в своем докладе от 29 марта 1919г. представила список тридцати двух составов международных преступлений, совершенных германскими военными служащими, и объединенных в две группы. Первая группа была представлена противозаконными деяниями, квалифицируемыми в качестве военных преступлений, совершенных в нарушение общепризнанных правил ведения военных действий. К ним были отнесены применение отравляющих газов и разрывных пуль; потопление госпитальных и других невоенных судов; убийства военнопленных; совершение жестокостей по отношению к захваченным раненым и больным; разграбление частной собственности. Вторую группу составляли отдельные преступления, совершенные в ходе войны германскими властями в отношении собственных граждан (незаконное применение репрессий и судебных преследований, причинение телесных повреждений, нанесение ущерба здоровью или достоинству человеческой личности). Однако затем Комиссия отказалась от такой классификации и провела ее с учетом субъектов преступлений, которые подлежали судебному преследованию и уголовному наказанию в специальном экстраитерриториальном порядке¹. Версальский договор в части VII, озаглавленной "Санкции", впервые предусмотрел механизм привлечения преступников войны к уголовной ответственности, который должен был быть представлен тремя уровнями: 1) специальный международный трибунал из представителей пяти союзных держав (США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) для суда над бывшим Германским императором Вильгельмом II; 2) военные суды государств, в юрисдикцию которых входило рассмотрение дел о совершении преступных нарушений законов и обычаев войны, направленных против их граждан; 3) смешанные военные суды, состоящие из представителей нескольких заинтересованных государств по делам о военных преступлениях, затрагивающих одновременно их интересы². Данный механизм, по известным причинам, оказался практически невостребованным. Вместе с тем, нельзя отрицать определенное позитивное значение Версальского договора и состоявшихся судебных процессов над отдельными германскими военными служащими: впервые идея уголовной ответственности физических лиц за нарушения норм права войны получила апробацию.

Примечательно, что еще до Первой мировой войны были приняты международные конвенции, которые ограничивали воюющих в средствах и методах ведения военных действий. К ним следует, прежде всего, отнести Санкт-Петербургскую декларацию об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль

1868 г., Гаагскую декларацию о неупотреблении легко разворачивающихся и сплюсчивающихся пуль 1899 г., Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. (о законах и обычаях сухопутной войны и другие)³. Однако данные акты не предусматривали уголовную ответственность физических лиц за нарушение норм права войны, что снижало их эффективность в плане регулирования отношений, возникающих в ходе военных действий.

Важным историческим этапом кодификации военных преступлений являются судебные процессы, проходившие в ходе и особенно после окончания Второй мировой войны. Среди них следует выделить Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, подготовка, ход и итоги которого довольно подробно освещены в отечественной и зарубежной литературе⁴. В ст. 6 Устава Нюрнбергского Международного Военного Трибунала (МВТ) среди преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала, назывались военные (нарушения законов и обычаев войны), к которым были отнесены: убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень и другие преступления⁵.

Интересно, что Комиссия ООН по расследованию военных преступлений гитлеровского фашизма, созданная в Лондоне 7 октября 1942 г., рассмотрев содержание и характерные признаки упмянутых в Уставе МВТ разновидностей международных преступлений, выдвинула предположение о том, что “концепция военных преступлений шире по своему значению собственно нарушений законов и обычаев войны. Помимо них, военные преступления включают также преступления против мира и человечности”⁶. По мнению Комиссии, военные преступления представляют собой “любые грубые нарушения закона, совершенные в военное время или связанные с подготовкой и ведением войны, либо совершенные с целью воспрепятствования восстановления мира, которые преступают основные принципы уголовного права, признаваемые всеми цивилизованными народами”⁷. По всей видимости, такое несколько расширительное толкование военных преступлений соответствовало моменту. Нюрнбергский МВТ судил не просто военных преступников, а лиц, виновных в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны. Иначе говоря, в данном случае “дух закона” шире его “буквы”.

Дальнейший ход кодификации военных преступлений связан с принятием Женевских конвенций о защите жертв войны

от 12 августа 1949 г. Каждая из четырех Конвенций содержит статью, которая перечисляет действия, относящиеся к “серьезным нарушениям” (Ст. 50 Первой, ст. 51 Второй, ст. 130 Третьей, ст. 147 Четвертой Конвенций). Список серьезных нарушений варьируется от конвенции к конвенции. Некоторые фигурируют в каждой: преднамеренное убийство, пытки или негуманное обращение, преднамеренное причинение чрезмерных страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью. Первая, Вторая и Четвертая Конвенции упоминают уничтожение или присвоение имущества, Третья и Четвертая выделяют также принуждение покровительствуемого лица служить в вооруженных силах противной стороны и лишение такого лица на беспристрастное и нормальное судопроизводство. Четвертая Конвенция называет также незаконное депортирование или перемещение, незаконный арест покровительствуемого лица и взятие заложников. Кроме того, ст. ст. 53, 54 Первой и ст. ст. 44, 45 Второй Конвенций включают детальные положения, касающиеся запрещения незаконного использования отличительного знака.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), принятый на дипломатической конференции в Женеве 8 июля 1977 г., расширил список “серьезных нарушений”, пополнив его рядом действий, направленных против лиц и объектов, пользующихся уважением и защитой в соответствии с Протоколом. Среди таких действий следует упомянуть применение средств и методов ведения военных действий, способных причинить излишние страдания или повреждения, а также тех, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде (п.п. 2, 3 ст. 35); превращение в объект нападения ясно опознаваемых исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, неоправданная задержка репатриации военнопленных или гражданских лиц (п. 4 b, d, ст. 85). Примечательно, что п. 5 ст. 85 Протокола I закрепил положение, согласно которому “серьезные нарушения этих документов (Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола I к ним. — С.Л.) рассматриваются как военные преступления”.

Таким образом, к середине 70-х годов процесс кодификации военных преступлений прошел фазу своего становления: в международно-правовых актах были перечислены действия, подлежащие соответствующей квалификации. Как видим, многие из таких действий представляют собой посягательства на основные права человека, в частности, право на жизнь, а также запрещение

подвергать кого-либо пыткам или жестокому и бесчеловечному обращению и наказанию. Напомним, что указанные права были предусмотрены Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. (ст. ст. 3, 5) и Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. ст. 6, 7). При этом п. 1 ст. 4 Пакта о гражданских и политических правах предусматривает недопустимость для государств-участников отказаться от своих обязательств соблюдать определенные фундаментальные права даже в период, когда “жизнь нации находится под угрозой”. Поэтому следует согласиться с профессором В.А. Карташкиным, который пишет: “Пакт о гражданских и политических правах подтвердил принцип современного международного права, согласно которому определенные фундаментальные права и свободы должны соблюдаться в любой ситуации, включая периоды вооруженных конфликтов”⁸. В этой связи, можно обнаружить определенную взаимосвязь между ходом кодификации военных преступлений и формированием новой отрасли международного права, получившей название право прав человека.

Современные тенденции и перспективы развития процесса кодификации военных преступлений

Характеризуя современное состояние процесса кодификационной работы в области военных преступлений, следует обратить внимание на следующие обстоятельства. В последнее время данный процесс осуществляется как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Многие государства стали включать соответствующие нормы в свое уголовное законодательство. Показательным примером может служить Закон о борьбе с серьезными нарушениями Женевских конвенций и Протокола I, принятый в Бельгии в 1993 г. Определенные меры в данном направлении предпринимаются в нашей стране: новый Уголовный кодекс РФ, вступивший в силу с 1 января 1997 г., в разделе XII “Преступления против мира и безопасности человечества” предусматривает ст. 356 об ответственности за “Применение запрещенных средств и методов ведения войны”. Сам факт появления названной статьи следует расценивать как прогрессивный шаг. Однако, справедливости ради, отметим, что ее редакция далека от совершенства. Существенным недостатком ст. 356 является отсутствие упоминания в ней ответственности за нарушения норм права, применяемого в вооруженных конфликтах немеждународного характера. А ведь подавляющее большинство вооруженных конфликтов, происходящих в настоящее время, не носят международного характера; в ходе их совершаются многочисленные нарушения норм международного гуманитарного права. Достаточно вспомнить недавние события в

Чечне, когда серьезные нарушения “Права Женевы” имели место с обеих сторон конфликта. В этом плане, включение в ст. 356 Уголовного кодекса положения о наказуемости подобного рода серьезных нарушений представляется обоснованным не только с теоретической, но и с практической стороны.

Диспозиция ст. 356 УК РФ отсылает к международным договорам Российской Федерации, что отвечает духу времени и соответствует п. 4 ст. 15 Российской Конституции 1993 г. Вместе с тем, следует признать, что российские правоохранительные и судебные органы в настоящее время не всегда готовы к непосредственному применению международно-правовых норм, на что указывает глубоко изучивший данную проблему профессор И.И. Лукашук⁹. Кроме того, российское уголовно-процессуальное законодательство вообще не упоминает международный договор Российской Федерации в качестве источника уголовно-процессуального права, что ставит под сомнение компетенцию судов применять нормы международного права по уголовным делам. Однако, учитывая положение Конституции “международное право — часть права страны”, следует прогнозировать практику судов по имплементации норм международного права (в том числе, и международного гуманитарного права) при рассмотрении уголовных дел. В этой связи, необходимы меры по совершенствованию как законодательства, так и соответствующей подготовки судей. И здесь следует обратить внимание на особое место норм о правах человека. Конституция РФ 1993 г. гласит: “В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией” (п. 1 ст. 17). Требования, касающиеся уважения прав личности в уголовном судопроизводстве, изложены, прежде всего, в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁰. Применительно к уголовному судопроизводству по делам о военных преступлениях, важное значение имеет ст. 75 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., п. 4 которой воспроизводит текст ст. 14 Пакта, а п. 7 предусматривает: “Во избежание любого сомнения в отношении преследования лиц, обвиняемых в военных преступлениях или в преступлениях против человечества и суда над ними, применяются следующие принципы:

а) лица, обвиняемые в таких преступлениях, должны преследоваться и предаваться суду в соответствии с нормами международного права; и

б) любые такие лица, которые не пользуются более благопри-

ятым обращением в соответствии с Конвенциями или согласно настоящему Протоколу, пользуются обращением, предусмотренным настоящей статьей, независимо от того, являются или не являются преступления, в которых они обвиняются, серьезными нарушениями Конвенций или настоящего Протокола"¹¹.

Обеспечение прав человека в уголовном процессе предполагает и защиту жертв преступлений. Данному вопросу посвящена Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. В п. 6 этого документа говорится о том, что следует содействовать тому, чтобы судебные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв путем:

а) предоставления жертвам информации об их роли и об объеме, сроках проведения и ходе судебного разбирательства и о результатах рассмотрения их дел, особенно в случаях тяжких преступлений, а также случаях, когда ими запрошена такая информация;

б) обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия;

в) предоставления надлежащей помощи жертвам на протяжении всего судебного разбирательства;

г) принятия мер для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и защиты их от запугивания и мести;

д) предотвращения неоправданных задержек при рассмотрении дел и выполнении постановлений или решений о предоставлении компенсации жертвам¹².

Процесс кодификации военных преступлений нашел отражение в международно-правовых документах, один из которых недавно принят и действует, а два других находятся в стадии проектов. В первом случае речь идет об Уставе Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года, принятом резолюцией Совета Безопасности ООН 827 от 25 мая 1993 г. Его ст. 2 воспроизводит серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., о которых мы говорили выше, а ст. 3, озаглавленная "Нарушение законов или обычаев войны" вклю-

чает следующие действия, перечень которых “не является исчерпывающим: а) применение отравляющих веществ или других видов оружия, предназначенных для причинения излишних страданий; б) бессмысленное разрушение городов, поселков или деревень, или разорение, не оправданное военной необходимостью; с) нападение на незащищенные города, деревни, жилища или здания либо обстрел с применением каких бы то ни было средств; d) захват, разрушение или умышленное повреждение культовых, благотворительных, учебных, художественных и научных учреждений, исторических памятников и художественных и научных произведений; е) разграбление общественной или частной собственности”¹³.

В стадии проекта находится Кодекс преступлений против мира и безопасности человечества. Принят в июле 1998 Устав Международного уголовного суда. Следует заметить, что вопросам подготовки данных документов был посвящен ряд публикаций в настоящем журнале¹⁴. Поэтому остановимся лишь на проблеме кодификации в них военных преступлений.

В проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятом Комиссией международного права ООН в первом чтении в 1991 г. имелась ст. 22, озаглавленная “Исключительно серьезные военные преступления”, п. 2 которой разъяснял, что “исключительно серьезным военным преступлением является исключительно серьезное нарушение принципов и норм международного права, применимых в вооруженном конфликте, которое включает в себя любой из следующих актов: а) акты бесчеловечности, жестокости или варварства, направленные против жизни, достоинства или физической или психической неприкосновенности лиц; б) размещение поселенцев на оккупированной территории; применение незаконного оружия; применение методов или средств ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде; е) широкомасштабное уничтожение гражданского имущества; ф) преднамеренное посягательство на имущество исключительно религиозной, исторической или культурной ценности”¹⁷.

Как видим, Комиссия международного права ООН провела определенную кодификацию военных преступлений, разделив их на группы и выработав понятие “исключительно серьезное военное преступление”.

Однако в следующем варианте проекта Кодекса, представленном на обсуждение 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1996 г. мы наблюдаем совершенно иной подход к проблеме

кодификации военных преступлений¹⁸. Прежде всего, ст. 20 нового варианта проекта получила наименование “Военные преступления”, хотя в данном случае ей более соответствовал бы заголовок “Исключительно серьезные военные преступления” или “Серьезные военные преступления”. Формулировка ст. 20 представляется, с одной стороны, чересчур пространной (она занимает более двух страниц печатного текста), а с другой — неполной. К примеру, в ней не называется применение запрещенного международным правом оружия, а делается лишь ссылка на “применение отравляющих веществ или других видов оружия, предназначенных для причинения излишних страданий”, что значительно сужает сферу действия данной статьи. Наконец, классификация военных преступлений, перечисленных в данной статье, представляется запутанной, поскольку трудно выявить критерии, лежащие в ее основе.

С другой стороны, ст. 20 включает положение об ответственности за совершение ряда нарушений международного гуманитарного права, применимого в случае вооруженного конфликта немеждународного характера, что следует считать прогрессивным шагом. Примечательно, что при обсуждении на сессии Спецкомитета Генеральной Ассамблеи ООН по проекту Международного уголовного суда в 1995 г. было высказано предложение включить в п. с ст. 20 ссылки на ст. 3, общую для Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительный протокол II к ним 1977 г., посвященные вооруженным конфликтам немеждународного характера. Однако данное предложение не получило единодушной поддержки; по мнению его противников, положения ст. 3 и Дополнительного протокола II в целом не являются частью обычного права и потому имеют обязательную силу лишь для государств-участников Конвенций и Протокола¹⁹.

Рассматривая современное состояние проблемы кодификации военных преступлений, хотелось бы остановиться еще на одном весьма важном моменте. По мнению автора, процесс кодификации военных преступлений не может не затронуть институт международно-правовой ответственности государств. безусловно, в настоящее время речь не идет о реализации идеи международной уголовной ответственности государства за совершенное международное преступление. Тем не менее, в случае грубого нарушения основополагающих международных обязательств государство-нарушитель должно нести материальную или политическую ответственность. Применительно к вопросу о военных преступлениях уместно сделать ссылку на Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., ст. III которой предусмотрела норму, согласно которой воюющая

сторона “должна будет возместить убытки, если к тому есть основания. Она будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил”²⁰.

В этой связи представляется спорной позиция Комиссии международного права относительно перечня международных преступлений в Проекте статей об ответственности государства. Согласно п. 3 ст. 19 Проекта, к числу международных преступлений относятся: агрессия; тяжкое нарушение обязательств, обеспечивающих право народов на самоопределение и на ликвидацию колониализма; действия, отрицающие запрет рабства; апартеид; тяжкое нарушение обязательств по охране окружающей среды²¹. Комиссия среди международных преступлений не назвала военные преступления как таковые, и в том числе с применением оружия массового уничтожения. Ссылка на то, что применение запрещенных видов оружия поглощается формулировкой “тяжкие нарушения международных обязательств, имеющих основополагающее значение для защиты окружающей среды”, неосновательна, поскольку, во-первых категория военных преступлений значительно шире применения запрещенных видов оружия, во-вторых, как обоснованно подчеркивают авторы монографии “Международное уголовное право”, “эта формулировка Комиссии в определенной степени затушевывает нарушения законов и обычаев войны, что вряд ли можно считать правильным”²².

В то же время, не следует забывать, что п. 3 ст. 19 Проекта статей об ответственности государства нельзя рассматривать в качестве исчерпывающего перечня международных преступлений, на что было указано Комиссией международного права в комментарии к данной статье²³. Исходя из этого, можно предположить расширение перечня международных преступлений государств за счет включения в него некоторых военных преступлений.

Заключение

Процесс кодификации военных преступлений, начатый после Первой мировой войны, и прошедший фазу своего становления в 70-х годах, получил сегодня новый импульс для своего развития. Следует заметить, что и сам характер данного процесса в последнее время претерпел серьезные изменения.

Прежде всего, это касается получившей все большее распространение практики государств включать в свое законодательство нормы об уголовной ответственности за серьезные нарушения законов и обычаев войны. Такая практика, в первую очередь, обусловлена стремлением государств-участников Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г.

принять меры по выполнению взятых на себя соответствующих международно-правовых обязательств. С другой стороны, наблюдаемая тенденция свидетельствует о росте беспокойства среди стран состоянием дел борьбы с военными преступлениями.

Военные преступления вызывали и вызывают озабоченность со стороны не только отдельных государств, но и международного сообщества в целом. Примечательна принятая 1 июля 1922 г. рекомендация Постоянной комиссии Парламентской ассамблеи Совета Европы относительно учреждения международного суда по военным преступлениям²⁴. Напомним, что компетенцией судить за военные преступления, совершенные в ходе недавнего вооруженного конфликта на Балканах обладает Международный трибунал по бывшей Югославии. Значительную работу по кодификации данной категории преступлений проводит Комиссия международного права ООН. Разработанные ею проекты Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и Устава Международного уголовного суда, при условии доработки и принятия их государствами, несомненно, сыграют важную роль в борьбе с наиболее серьезными нарушениями норм права, применяемого в вооруженных конфликтах.

Важной тенденцией следует считать расширение перечня военных преступлений за счет отнесения к ним ряда нарушений норм права вооруженных конфликтов немеждународного характера. Поскольку подавляющее большинство вооруженных столкновений современности являются внутригосударственными, задача правового запрета соответствующих нарушений стоит особенно остро. К сожалению, позиция многих государств по данному вопросу не отражает реалий современных вооруженных конфликтов. В то же время, такие обстоятельства, как включение Комиссией международного права ООН нарушений Протокола II 1977 г. в качестве военных преступлений в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, а также признание ст. 5 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии серьезных нарушений Женевских конвенций в качестве преступлений также если они совершены в конфликтах немеждународного характера, позволяют строить оптимистические прогнозы в отношении перспектив развития этого вопроса.

Кодификация военных преступлений происходит во взаимодействии и взаимовлиянии с развитием норм о правах человека, о которых впервые во весь голос человечество заявило во Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1998 года. С одной стороны, ряд действий, квалифицируемых в качестве военных преступлений, посягают на основные права человека. Поэтому уголовно-правовой запрет такого рода нарушений можно считать

действенной мерой по обеспечению прав человека в условиях вооруженных конфликтов. С другой стороны, борьба с военными преступлениями должна строиться с учетом положений о правах личности в уголовном процессе.

1 См.: History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War., — 1948. P. 35-36.

2 См.: Полянский Н.Н. Международное правосудие и преступники войны. — М.: 1945. С. 35-37.

3 См.: Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. — М.: 1995. С. 13—29; 69—74; 159—185.

4 См., например: Полторак А.И. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). — М.: 1966; Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. — М.: 1956; Goodhart A.L. The Legality of the Nurenberg Trials, *Juridical Review*, no. 56, 1946. — P. 1, 5.

5 См.: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов (в восьми томах). — Т. 1. — М.: 1987. С. 148.

6 См.: History of the United Nations War Crimes Commission . . . p. 174—175.

7 Ibid.

8 См.: Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. — М.: 1995. С. 55.

9 См.: Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации (практическое пособие). — М.: 1996. С. 5. По проблеме судебного применения норм международного права, см.: Лукашук И.И. Международное право в судах государств. — Спб.: 1993.

10 См.: Права человека и судопроизводство. Собрание международных документов. С. 100—101.

11 См.: Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. МККК. С. 270—271, 272).

12 См.: Права человека и судопроизводство. С. 232.

13 См.: Российский ежегодник международного права (1992). — Спб.: 1994. С. 243.

14 См.: Верещетин В.С. Международный уголовный суд: новые перспективы? (К рассмотрению вопроса в Комиссии международного права ООН) // Московский журнал международного права. — 1993. №2. С. 3—14; Он же: О работе Комиссии международного права ООН//Московский журнал международного права. — 1994. — №2. — С. 3—20; Колодкин Р.А., Панин И.А. Обсуждение проекта Устава Международного уголовного суда в Специальном комитете Генеральной ассамблеи ООН // Московский журнал международного права. 1996. — № 4. — С. 69—80.

15 См.: UN Doc/A/49/10/ P. 44.

16 Ibid. P. 102, 108—110.

17 Ibid. P. 47.

18 См.: UN Doc. A/51/10. P. 115—118.

19 UN Doc. A/50/22. P. 15—16.

20 См.: Сборник Гаагских конвенций... с. 14.

21 См. Ежегодник Комиссии международного права, 1976, т. II (часть вторая), с. 110.

22 Международное уголовное право // И.П. Блищенко, Р.А. Каламкарян, И.И. Карпец и др. — М.: 1995. С. 45-46.

23 UN Doc. A/31/10. P. 298.

24 См.: Council of Europe. Recommendation 1189 (1992) on the Establishment of an International Court to Judge War Crimes.